

благоустроенную однокомнатную квартиру на втором этаже на ул. Александровича, чему они очень обрадовались. Сейчас трудно представить, чтобы вот так, сравнительно просто, решался как когда-то в советское время вопрос с обеспечением жилплощадью ветеранов войны.

Отец умер от рака желудка и похоронен в 1961 году в Арзамасе-16. Кроме ряда его орденов и медалей, некоторых документов и рукописных записей сохранились у меня благодарственные письма военной поры от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина и командиров воинских частей и фронтовая ложка из нержавеющей стали, доставшаяся отцу как трофей еще на территории освобождаемой Белоруссии и с которой он дошел до Берлина и вернулся домой.

3. ДЕД И ЕГО БРАТ

Мой дед (по отцу) – Аким Андреевич Герасимов – родился в нашей деревне. Он окончил церковноприходскую школу, а затем на средства помещика Анциферова – гимназию и какое-то медицинское заведение в губернском центре – Рязани. После этого деда направили в армию, там он дослужился до чина лейб-штабс-капитана медицины (так записано в документе) и работал полковым врачом. Во время русско-германской войны деда сильно контузило в начале 1917 года с потерей памяти, нарушением вестибулярного аппарата и невозможностью самостоятельно передвигаться. Его отправили куда-то в госпиталь, и родные два года не имели никаких известий о нем, хотя продолжали упорно его искать, ибо имели сведения от очевидцев, что Аким Андреевич жив. Нашли его, неходячего, в 1919 году в госпитале в Ярославле и привезли домой. Здесь, наверное, стали помогать деду родные стены, к нему вернулась память, а знание медицины обязывало его двигаться. Он начал лежа заниматься физическими упражнениями, просил делать ему массаж. Через два года встал на ноги и сам начал лечить местное население. Он пользовался большим авторитетом, люди приходили к нему издалека за разными советами и практической помощью. Дед много времени уделял садоводству, завел пасеку. У нас при доме благодаря ему появился настоящий сад. Я помню этот сад примерно с 1935 года. Особенно впечатлелись два больших грушевых дерева, которые обильно ежегодно плодоносили, по-видимому, из-за близости к хлевным постройкам, где земля была хорошо удобрена. А груши были очень вкусными. Часть яблок и груш дед клал на хранение под толстый слой сена над хлевом. Из хлева шло тепло, и фрукты здесь зимой не мерзли, причем яблоки сохранялись свежими до весны. Здорово было зимой проделывать ход в сене и вынимать оттуда красивые и вкусные яблоки и груши. Когда мне исполнилось 5 лет, то каждой весной и осенью дед заставлял меня лазить по фруктовым деревьям и спиливать лишние сучья по его указанию, а также счищать ножом с закругленным лезвием из дуба лишайники со стволов и сучьев. Делал я это с удовольствием. Дед тоже занимался такой работой,

но лазить высоко опасался из-за контузии, поэтому стоял на низкой раскладной лестнице, приглядывая за мной, чтобы я не поломал или не спилил нужные ветки, да и чтобы не свалился с высоты. Побелка стволов деревьев осенью и весной являлась обязательной, и я тоже любил это делать с дедом, так как за работой он всегда много рассказывал чего-то интересного и поучительного из своего богатого опыта, например, про жизнь в царское время, учебу, службу в армии, войну.

Дед всегда очень следил за своей одеждой, аккуратно одевался, а во время любой физической работы пользовался халатом и фартуком. Он всегда чистил зубы, что было необычным для деревни, и с самых ранних лет приучил к этому меня и еще раньше – моего отца. Дед говорил, что зубы надо чистить один раз в сутки на ночь, и делать это следует лишь порошком с двууглекислой содой. А тогда продавался такой порошок «Особый» (был еще «Мятный»). Утром же надо только массировать пальцами десны, а днем – рот полоскать водой. Я и отец действовали только так. Позже я много раз слышал призывы чистить зубы обязательно утром и вечером, но руководствовался всегда указаниями деда. Наверное, благодаря этому мои зубы не болели никогда вплоть до 73 лет, когда я впервые почувствовал зубную боль. Я не особо задумывался о такой практике, пока не прочитал примерно в 1995 году интервью с крупным специалистом-стоматологом из Франции, который был председателем оргкомитета Международного стоматологического конгресса, проведенного в Киеве. Затем он поехал по России, ознакомился с состоянием стоматологии и очень негативно его оценил в интервью редакции журнала «Огонек». В частности, он сказал, что у нас везде призывают чистить зубы два раза в день. А это неправильно. Любое чистящее средство является абразивом и потому снашивает зубную эмаль. Надо чистить зубы только на ночь и лишь пастой с двууглекислой содой. Все остальные пасты с разными витаминными и ароматическими добавками – это блеф и реклама. Когда человек спит, в ротовую полость мигрирует желудочная кислота и размягчает эмаль. Часть же обязательно остающейся на зубах щелочи от пасты нейтрализует кислоту, способствуя лучшей сохранности эмали. Утром надо лишь массировать десны пальцами. Полезно это делать и после еды, полоская рот. Эти правила удивительно совпадали с доводами деда по уходу за зубами и заставили меня в очередной раз подивиться его обширным знаниям еще в те далекие годы.

Дед очень увлекался историей развития человечества. По этому вопросу у него имелось много книг дореволюционных изданий, в том числе переводных, на толстой лощеной бумаге с четкими графическими изображениями людей разных рас и описанием их уклада, условий жизни и природы. Я очень любил листать эти книги. Дед был ярким приверженцем эволюционной теории Дарвина возникновения человечества. Он не верил, что Бог создал людей по своему образу и подобию, хотя неохотно соглашался, что, возможно, все остальное сотворили Высшие силы. Еще у него были, естественно, книги медицинского направления, тоже классно изданные на атласной бумаге с описанием и рисуночным представлением анатомии человека. Меня эти книги тоже интересовали, и я часто просил

деда объяснить мне что-то в них. Книги почему-то назывались в основном лечебниками. Держалась литература по садоводству и пчеловодству. К сожалению, по разным причинам ни одна из этих книг не сохранилась, хотя еще 20 лет спустя после смерти деда от сердечного приступа в 1938 году часть из них лежала на чердаке нашего дома в деревне.

А еще дед увлекался радиолобительством. После повышения мощности радиостанции имени Коминтерна в Москве дед задолго до всех приобрел примерно в 1930 году детекторный приемник, установил на высоких жердях длинную антенну, и домашние слушали в наушниках (а их можно было подключать две пары) радиопередачи. Новости потом рассказывали селянам. Нередко соседи тоже приходили послушать радио и подивиться чуду. Потом дед приобрел популярную литературу по этому вопросу и стал сам собирать приемники для себя и знакомых, постепенно увеличивая громкость звучания из наушников так, что музыке и песни стало слышно в комнате. По-видимому, основное влияние на силу звука оказывали все увеличивающиеся мощность радиостанции, высота и длина антенн, а также улучшаемое заземление и сравнительная близость нас к Москве (напрямую примерно 160 км). Такой же приемник стоял в домике на колхозной пасеке. Где дед приобретал для изготовления радиоприемников пластинки из слюды и алюминиевую фольгу для самодельного изготовления конденсаторов, а также эмалированный или лакированный провод для катушек индуктивности, я не знаю. В магазинах районного центра это все не продавали. Наверное, кто-то из «пациентов» доставал деду такие материалы. Я обычно наблюдал, когда дед мастерил приемники, и помогал ему, например, в изготовлении конденсаторов нужной емкости, «варке» кристаллических детекторов (теперь сказали бы «полупроводниковых диодов»). Для этого следовало мелко растолочь серу и нарезать (наточить) напильником свинцовые опилки. Сера и свинец смешивались в определенной пропорции, масса утрамбовывалась в стальной наперсток, он закреплялся в проволочный держатель и размещался непосредственно над пламенем керосиновой лампы. Наперсток постепенно нагревался, и в какой-то момент начиналась химическая реакция, смесь ярко вспыхивала и тут же гасла. После естественного остывания наперстка твердый kern легко извлекался из него, и на поверхности образца появлялись блестящие участки (много позже я узнал, что при высокой температуре и последующем остывании образуется соединение PbS – галенит, свинцовый блеск, который кристаллизуется в кубической системе и обладает односторонней электрической проводимостью). Иногда этот продукт был рыхлым и без таких участков, что, наверное, связано с некачественной серой или сплавом свинца с оловом вместо чистого свинца. Kern раскалывали на кусочки, служившие затем в качестве диодов в радиоприемниках. Один кусочек плотно вставлялся в металлическую трубочку в радиоприемнике, и пружинящей стальной тонкой проволочкой, перемещаемой по поверхности кристалла, находилась на ней точка с односторонней электрической проводимостью, которая выделяла (выпрямляла) колебания низкой (звуковой) частоты из высокочастотных

колебаний резонансного контура радиоприемника, настроенного на модулирующую частоту радиостанции. Низкие частоты отводились по проводам в электромагнитные наушники со стальной мембраной, воспроизводящей звук.

Кто-то из членов художественной самодеятельности колхоза сложил тогда частушку и спел ее со сцены нашего сельского клуба:

*Эх, ты, дедушка Аким,
Радиолобитель.
Привязал к себе в штанах
Громкоговоритель!*

Даже после смерти деда народ еще долго распевал эту частушку, нередко обращая ее ко мне, так как его приемники действовали в ряде домов и меня обычно приглашали подрегулировать их. В деревнях почти всем придумывают прозвища, часто очень меткие и здорово характеризующие человека. Я имел довольно безобидное прозвище – Аким Андреев внук, так как дед меня по имени не называл, а только внуком или внучком. Из-за радиолобительства дед однажды здорово пострадал и даже чуть не погиб. Надвигалась гроза, вдали раздавались раскаты грома. В такую погоду дед или кто-либо из домашних пересоединял вывод антенны от радиоприемника на заземление специальным переключателем, закрепленным на раме окна около места ввода провода от антенны. А тут деду что-то понадобилось срочно послушать, и, кроме того, он считал, очевидно, что туча еще далеко. Вдруг мать, находящаяся в кухне, услышала сильный хлопок в другой комнате и через открытую дверь увидела, как деда какая-то сила отбросила юзом по полу от окна с приемником. Забежав в горницу, она увидела выходящий из приемника дым и стонущего на полу у противоположной стены деда. Волосы деда были обожжены, и немного пострадала кожа одного уха. Дня три он отлеживался на койке и дней пять плохо слышал. Говорил, что в момент случившегося ничего не видел и не помнит. Пришлось через некоторое время деду делать и устанавливать новый приемник, так как в предыдущем внутри все сгорело. После этого события при грозе уже никто никогда радио не слушал, а когда снимали наушники, обязательно антенну отключали от приемника. Обгоревший приемник дед восстанавливать не стал, и он лет десять лежал в амбаре, где я его периодически осматривал, дивясь случившемуся. Много позже я стал предполагать, что тогда имела место небольшая шаровая молния, так как в окне образовалось сквозное отверстие диаметром около 3,5 мм с оплавленными краями и отсутствием трещин в стекле.

У деда было много дореволюционных документов и письменных благодарностей на официальных бланках с царскими гербами, а также его фотографий, в том числе групповых с офицерами времен службы на лечебном поприще в армии. Однако в начале сталинских репрессий в 1934–1935 годах дед и отец, боясь подобного относительно нашей семьи из-за службы деда офицером в царской армии, сожгли все фотографии и документы. Не осталось ни одной. Я сильно

жалею об уничтоженных фотографиях, очень уж добрая и благодарная память сохранилась у меня о деде. Изредка я смотрю на снимок его младшего брата – Матвея, с которым они были похожи как близнецы.

Примерно месяца через два после смерти деда отец вдруг вспомнил, что дед что-то произносил не раз уже в бреду про клад, зарытый в бане под правым углом от входа. На всякий случай взял лопату и длинный заостренный железный прут и начал протыкать им грунт в предполагаемых местах. Наткнувшись на препятствие, раскопал землю и обнаружил деревянный ящик, обитый медным листом. В ящике было множество монет времен советской власти 1920–1924 годов, в основном это были полтинники (50 копеек) и рубли. Эти деньги родители долго берегли, хотя такие монеты принимались при расчетах за товары. Во время учебы в начальной школе с первого по четвертый класс родители иногда выдавали сестрам и мне по одной монетке на всех для покупки сладостей в торговой палатке. По тем временам это были значительные суммы. У меня сохранились до сих пор от дедовского клада две монеты по 1 рублю. На монете 1921 года выпуска изображены на аверсе герб РСФСР, а на реверсе – звезда; на ребре выбито «чистого серебра 4 золотника, 21 доля (А.Г)». На рубле 1924 года – на аверсе уже герб СССР, на реверсе – две объемные красивые фигуры рабочих на фоне восходящего солнца с лучами и надписью на ребре «чистого серебра 18 грамм (43,21 д.) Ц.Л». Золотник – это старинная мера веса, равная 4,266 грамма. Рассматривая иногда эти монеты, я вспоминаю деда и своих родителей в череду разных житейских ситуаций. Еще от деда сохранилась небольшая и легкая, добротной слаженной, овальной формы одежная щетка из свиной щетины, которой минимум 80 лет и которую я обычно беру с собой в командировки и отпуск. Из инструмента от деда остался у меня рубанок с колодкой из ясеня, на железке которого выбито «Sheffield 1905», шерхебель и долото царских времен.

А вот с бабушкой (супругой деда) мне пообщаться не удалось. Мать говорила, что она была очень добрая и рукодельная. Вообще дед женился три раза. Первая супруга, когда он служил в царской армии, находилась при нем. Там она почему-то вскоре скончалась. Вторая – проживала в деревне, но ее постигла та же участь. Третья жена оставалась тоже в деревне, иногда приезжая к мужу на место его службы. Она родила моего отца, больше детей не было. Бабушка слыла очень богомольной, посещала дальние монастыри, в частности, московские. Ходила пешком три раза в Киево-Печерскую лавру. При возвращении в третий раз осенью 1931 года она сильно простудилась в дороге, заболев, по-видимому, воспалением легких, и умерла. Подружки похоронили ее где-то на территории Смоленской области.

Родного младшего брата моего деда – Матвея Андреевича – призвали в царскую армию в 1915 году, в том же году на войне его контузило и он попал в таком состоянии к немцам в плен. В Германии его подлечили, хотя некоторая глухота осталась, и отправили вглубь страны на сельскохозяйственные работы к богатому помещику (бюргеру, бауэру). Этой глухотой он впоследствии очень

умело пользовался, хотя, по-моему, слышал удовлетворительно, а порой – и хорошо. Когда вопрос ему совсем не нравился или вообще не хотелось говорить, он становился полностью неслышащим, переспрашивал одно и то же и, наоборот, при заинтересованности живо вступал в беседу или полемику. Так как он уже учил до армии немецкий язык в гимназии, то в Германии стал бегло общаться на нем. Короче говоря, у бюргера он вырос до управляющего всем его сельским хозяйством, научившись многим эффективным агрономическим приемам. И когда подписанный в 1918 году Россией (делегацией во главе с Л. Троцким) Брестский мир с Германией обязывал возвратить всех пленных до 1921 года, то Матвея бюргер не отпустил, а вернулся он лишь в 1924 году. Зато приехал с подарками от хозяина в пяти больших деревянных окованных по углам медью сундуках, в частности, привез три швейных машинки фирмы «Зингер» (один сундук хранился в нашей семье до 1953 года). Две машинки Матвей подарил моим отцу и матери. Одну из них до 2006 года использовала для шитья моя старшая сестра Клавдия, вторую мать еще в 1938 году отдала профессиональному портному, который нередко потом шил для нас верхнюю одежду, проживая у нас дома, пока не справит всем требующееся одеяние. Наличие машинок способствовало тому, что мать, а затем и сестры хорошо освоили шитье и кройку одежды. Свои потребности в ней они в значительной мере удовлетворяли сами.

Вернувшегося из Германии Матвея Андреевича выбрали в 1925 году председателем коммуны, как знатока правильного «немецкого» ведения сельскохозяйственных работ. Потом, когда в 1928 году коммуну переименовали в колхоз, он стал его председателем и прослужил в этой должности 30 лет до внезапной смерти. Он пользовался большим уважением у крестьян и районного руководства, действительно знал хорошо агротехнику и животноводство, никогда не повышал голос на нерадивого работника, всегда своими доводами убеждал его в неправильности тех или иных поступков, мог сам тут же показать, как и что надо делать. Мог за компанию немного выпить, после чего нередко предавался воспоминаниям о жизни и работе в Германии, просил сыграть ему какой-нибудь немецкий вальс и, выйдя в круг, начинал танцевать. Коммуна и колхоз были достаточно богатыми благодаря умелому руководителю и хорошей трудовой дисциплине. Урожаи собирали высокие из-за обязательных севооборотов и регулярных паров пашен (земля год или два не засеивалась), внесения значительного количества навоза, так как в колхозе имелись большие коровья, конская и свиная фермы, гусятник. Выращивались также вика, горохоовсяная смесь (нам, ребятишкам, очень нравились стручки вики и гороха) и клевер, хорошо обогащающие почву азотом. Завозилось на поля много неорганических удобрений и торфа, благо вокруг его было огромное количество. Урожайам гречихи, горчицы, вики и льна способствовало также качественное опыление в периоды цветения пчелами, ульи с которыми регулярно вывозили на поля с колхозной пасеки.

Я вспоминаю яркие ежегодные весенние демонстрации отремонтированной и подготовленной к работе за зиму сельскохозяйственной техники (конские

сеялки, жатки, веялки, плуги и др.) с провозом ее по всей деревне туда и обратно в сопровождении ребятни и собак с последующим массовым гулянием колхозников с выпивкой и закуской за счет общественных фондов колхоза, с песнями, плясками и, как правило, с драками. Причем обязательными затевалами споров и кулачных боев были известные всем мужики, и все только и ждали, с кем на сей раз тот или иной из них учинит скандал и драку. Даже в годы Великой Отечественной войны мы не очень голодали, потому что выращивали достаточно много картошки, хотя хлеба не хватало, так как уполномоченные представители из района и области осматривали амбары и закрома, стараясь забрать все, даже оставленное на посев. Для этого созывали колхозников на общее собрание и ставили на голосование вопрос так: «Кто за то, чтобы сдать государству еще столько-то тонн зерна (пшеницы, ржи, овса, проса и др.) и накормить нашу Красную Армию и голодающее население, иначе, кто голосует против, то он голосует против советской власти?». И вот тут начинал лицедействовать председатель колхоза, пользуясь своей глухотой, переспрашивая неоднократно уполномоченного и ставя вопрос на голосование по-своему, как будто он не все услышал или недопонял. Таких голосований проходило до десятков раз в течение ночи (как правило, собрания начинались вечером, так как колхозники должны еще завершить дела и в личном подворье). Уполномоченные доводились обычно до истерик и изнеможения «непонятливостью» председателя. Все колхозники признавали надобность «кормить» государство, но понимали и то, что надо оставить семенной фонд на следующую весну, с чем почему-то никогда не соглашались в данный момент районные деятели. Мы, ребяташки, всегда присутствовали на таких собраниях до самого их окончания. Для нас это был еще и интересный спектакль, где всегда хитро и с выкрутасами выступали наши признанные в деревне старички-ораторы со своими оригинальными доводами и предложениями. И ведь в целом удавалось сохранить какой-то запас зерна хотя бы на посев, тем более заранее, еще до приезда уполномоченных, часть зерна выдавалась колхозникам по домам, якобы на качественную просушку. А главное, поля на следующий год не пустовали, как это случалось во многих соседних колхозах, а вовремя засеивались своими районированными сортами, собирались высокие урожаи и еще больше сдавалось зерновых и овощных культур государству, да и селянам кое-что доставалось на заработанные трудодни.

Должен отметить, что у нас в колхозе значительные площади засеивались коноплей. Колхозники выращивали ее даже на своих участках. Семена сдавали государству, а из стеблей получали качественное длинное волокно. Зимой в домах лущили вкусные мелкие семечки конопли, как подсолнухи. А об использовании конопли как наркотика никто никогда не слышал и не имел представления, как такие вещества готовить, а потому никто в деревне не наркоманил.

На рисунке Матвей Андреевич представлен в последний год своей жизни – 1958-й. Этот снимок я сделал на колхозном празднике, когда приехал в деревню за родителями. Как всегда он в подпоясанной ремнем гимнастерке, которую но-

Брат моего деда Матвей Андреевич (председатель колхоза, подпоясан ремнем, пиджак расстегнут), слева от гармониста, во время одного из колхозных праздников

сил из-за наличия на ней нескольких карманов, где мог размещать необходимые бумажно-письменные принадлежности, документы, раскладной метр и перочинный нож. Никакие сумки он терпеть не мог, ибо считал, что обе руки должны быть обязательно свободными.

Став председателем коммуны, Матвей Андреевич назначил своего брата (моего деда) пасечником и одновременно садоводом для поддержания на должном уровне помещичьего сада. Для колхозной пасеки обобществили и свезли в этот сад большинство ульев коммунаров, в том числе и с нашей частной пасеки. Предполагалось, что здесь уход за пчелами станет более квалифицированным, а мед коммунары будут получать по трудодням с общей пасеки, что освободит их от лишних домашних хлопот. Но в первую очередь решили вывозить ульи на поля для лучшего опыления сельскохозяйственных культур с целью повышения их урожайности (так делали в Германии). Деду назначили помощников, и пасека постепенно сильно разрослась. Я помню случай, когда осенью, уже в колхозное время, нам на трудодни выдали 30-литровую канистру меда и мы везли ее с трудом домой на тележке. Меня в младенчестве дед постоянно брал на пасеку в сад, а также на поля, когда там были улья. Нередко мы ночевали в дощатом домике на пасеке, ели свежий мед с молоком (колхозная ферма находилась рядом). Почему-то особенно четко запечатлелась картина, как дед ножом разрезал на куски золотисто-прозрачный мед в сотах. Дед говорил, что жевать мед вместе с воском и пыльцой растений гораздо полезней, чем есть ложкой откачанный мед.

Я старался во многом помогать деду, например, моей постоянной обязанностью было «дымарить», то есть обкуривать дымом ульи из специального устройства, будучи в шляпе с защитной сеткой и в рукавицах, когда дед осматривал пчелиные семьи и обрабатывал рамки с медом и расплодом. Он же подобную сетку и рукавицы не надевал, чем удивлял меня, так как мне изредка все же от пчел доставалось. Дед, обычно, говорил: «А меня пчелы знают и любят и потому не обижают». О саде помещика я мог судить только по его состоянию в середине 1930 годов, но, по словам деда и отца, почти все так располагалось и до революции, кроме замены части погибших деревьев и посадки новых.

К дощатому домику деда была пристроена мастерская с токарным станком и точилом с ножными приводами. Здесь же были большая наковальня и горн с древесными угольями, температура которых при разогреве металлических поковок регулировалась продувкой воздуха ручными мехами. Естественно, был и верстак для обработки древесины. Я любил наблюдать за работой деда в этой мастерской и порой пытался что-то отковать или острогать сначала шерхебелем и затем – рубанками и даже фуганками. Многим приемам мастерства я научился у деда и благодарен ему за это всю жизнь.

Как писали мне из деревни в 2007 году, жилых домов от 75 осталось только около десятка. Нашего дома тоже нет – здесь теперь пустырь. Церковь из села Дунино купила наш дом, разобрала его и перевезла достаточно крепкий сруб, надеясь восстановить дом. Однако лет десять сруб валялся разобранным и затем его распилили на дрова. Колхоз же полностью развалился. Летом в деревню приезжает много дачников, главным образом из Москвы, купивших пустующие дома. Построены и новые дачи. Территорию барского сада тоже застроили дачами крутые русские из столицы, так как от нас сделали до Егорьевска асфальтированную дорогу и общая длина ее до Москвы составляет всего 180 километров.

4. СЕСТРЫ

Выше я уже говорил, что у меня были две старшие сестры. Клавдия – закончила с перерывами 9 классов в 1947 году и почему-то дальше учиться не стала, а начала работать в колхозе. Отец сумел добиться, чтобы дочь получила паспорт из районных органов, и ее приняла на работу в 1948 году почтальоном. Когда же отец перешел на торфопредприятие «Радовицкий мох», то Клавдию взяли на это предприятие сначала непосредственно на добычу торфа, затем в секретариат и позже – в бухгалтерию. Там в лесу построили новый поселок с названием Радовицкий, где она вышла замуж, но неудачно, так как муж сильно увлекался спиртным и в пьяном виде неоднократно устраивал семейные драки. Последовал развод. После этого бывший муж несколько раз приходил к моим родителям, клялся, что больше пить не будет, уговаривал помочь наладить ему семейную жизнь. В 1952 году Клавдия по вызову средней сестры Валентины